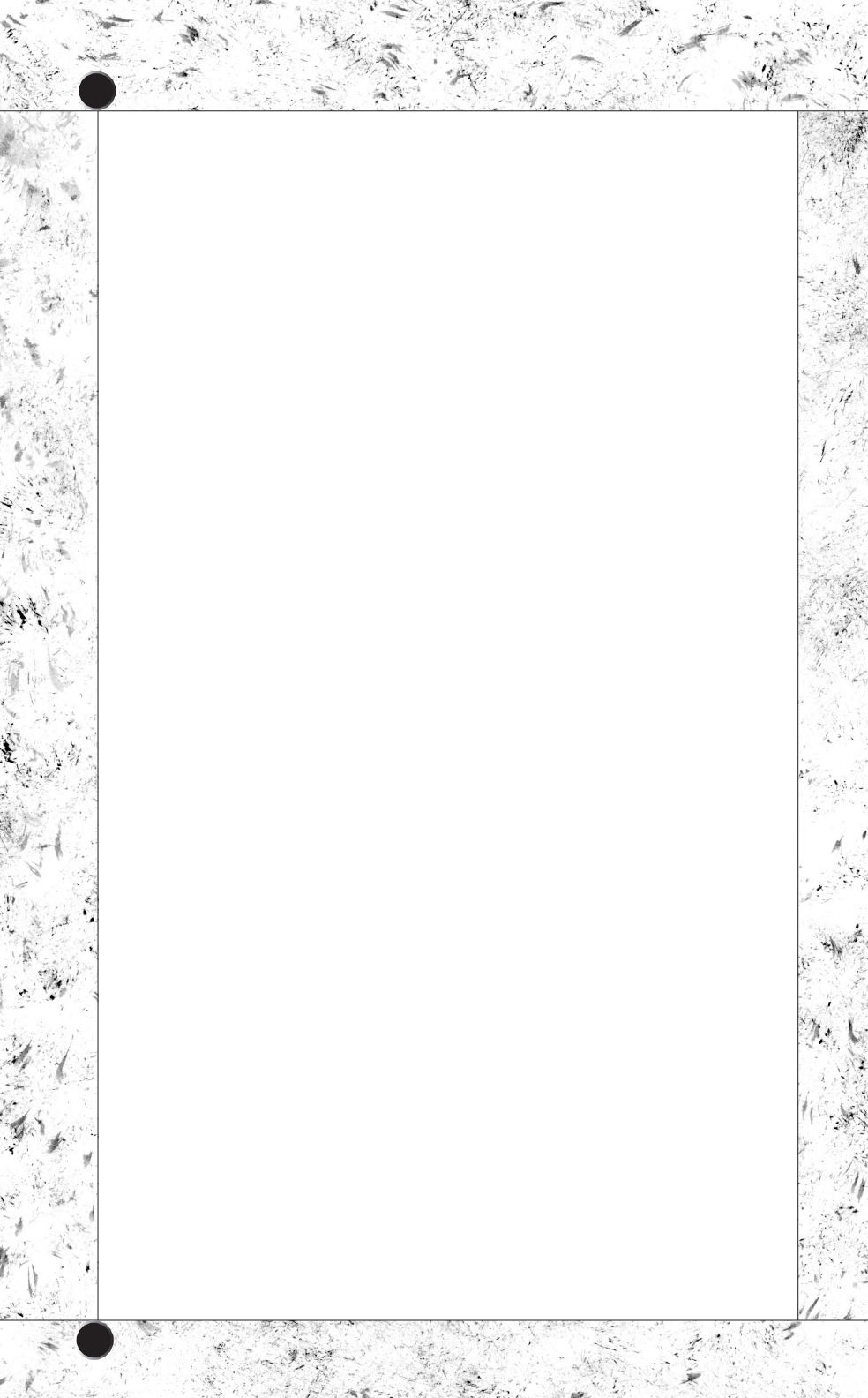

Прозрачный мир

Екатерина Яковина

Рассказы

Осенние последние дни

Осенние последние дни... Дверь, открытая зиме и новым, белым от снега, дням. Что-то всегда ощущалось в этих строгих белых днях, наполненных холодом и прозрачностью чувств. Володя не любил их и никогда не скучал по ним. Но когда осенние дни становились явным присутствием дыхания смерти во всей природе, то он думал, что лучше бы поскорее пришли дни зимы. Там было все белым и спокойным. Казалось, что нечто плохое уже свершилось, и белая тишина успокоительно вливалась в душу, словно обещая, что ничего неожиданного уже не будет. Метель, белые деревья и ровный слой снега на земле.

Володе всегда казалось, что весь мир существует, живет и дышит только для него. Все слова для него, все ночное небо только для него и все книги, которые он любил тоже только для него. Он был музыкантом, поэтом и исполнял сам все свои песни. Это было совершенство для самовыражения. Никто не напишет музыку, которая не подходит, по его мнению, для слов

его стихотворений, никто не создаст пустые слова к его нежной музыке, и никто не будет петь то, что он создал, разрушая внутренней пустотой глубинный смысл его прекрасной поэзии. Это был особый мир гармонии для него. Это была зима – тихая музыка метели и падающих снежинок, которая приходила в его жизнь вновь. Люди любили его песни и приходили на его выступления. Он ощущал их понимание и теплоту. Это было необходимо ему для того, чтобы сориентироваться – правильно ли он слышит и выражает музыку снов, надежд и воспоминаний.

В этой зиме Володя потерял себя. Он потерял себя, хотя и не заметил этого. Если бы он понял это, то жить было бы больше не для чего, потому что страна его творчества была основой для того, чтобы оставаться в этом сумасшедшем мире, где зло часто торжествует над добром и красотой. Но для того, чтобы понять, что он уже не тот, ему нужно было бы вернуться на несколько лет назад, и увидеть себя в настоящей жизни глазами того, немного странного для окружающих, мальчика.

И тот мальчик, послушав сегодняшние его выступления перед публикой, подумал бы: «Пустой музыкант. Неинтересный поэт. Как все это грустно».

И ушел, забыв о нем через минуту.

Но Володя жил в настоящем времени и не мог вернуться обратно. И для него это было хорошо. Он не знал, что стал самодовольным и самовлюбленным музыкантом, презирающим всех и забывшим музыку зимы. Это произошло постепенно. Хотя зависть к другим талантливым людям вошла первой в его страну нежности и мечтаний.

Хозяйкой разметала она все нежные чувства Володи и развесила на стенки его дома награды в рамочках для того, чтобы чувства не смогли даже помыслить о возможности возвращения. Володя начал завидовать всем, кто тоже любил создавать, и у них получалось это хорошо. Он выгнал девочку, игравшую на скрипке рядом с ним, когда он пел. Слишком велика была разница его пения и той музыки, которой плакала ее скрипка. Он еще мог это ощущать и слышать – эту разницу. Он навсегда поругался с другом, который пытался сказать Володе о происходящих в нем переменах. И он забыл девочку из его детства, с которой лепил снежную бабу зимой и бегал купаться в красивый пруд летом. Он вообще многое забыл из своего детства, которое раньше всегда жило рядом с ним.

«Я – избранный», – думал он. «Меня любят все.

Какие же все недалекие и примитивные, а мне приходится просвещать их и рассказывать обо всех чувствах мира. Это дано мне. Только избранным это дано», – так часто думал он.

Как хорошо и уютно было зависти жить в нем. Он хорошо заботился о ней, не забывая постоянно подбрасывать ей пищу. Он завидовал и презирал одновременно уже очень многих. Она каждый день делала новые преобразования в его душе, выбрасывая чувства, которые казались лишними, и которые просто занимали место в их доме – в доме Зависти и Володи.

«Вот это любовь к ночному небу... Зачем она?» – решала Зависть и выбрасывала это чувство. «А доброта вечно толчется под ногами. Она конечно маленькая, но все же очень надоедливая и везде суется со своей, только ей понятной, правдой. Выбросить и ее тоже».

Зависть была хозяйкой его души. Володя не возражал. Он забывал себя и не нуждался в чувствах, которые раньше были основными для него. Он даже не заметил их потери, потому что Зависть заменила их отсутствие другим чувствами – желанием больших денег и большой славы.

Она беспокоилась о Володиной стране чувств. Она не хотела, чтобы он понял, как много преобразований сделала она в ней.

Зависть хотела, чтобы Володе было хорошо и уютно. Стихи создавались. Другие стихи... Мелодии были. Другие мелодии. Он стал часто подворовывать у других композиторов, иногда даже не замечая этого воровства. Ведь Зависть могла многое, но мелодий и стихов она не понимала и создавать не могла.

Те, кто любил прежнюю страну Володи, не приходили на его выступления. Сначала они еще приходили, но после концерта думали: «Какая многозначительная пустота. Как грустно и пусто от этого».

Потом они просто перестали его слушать. Но пришла другая публика. Она любила подобную пустоту фраз и мыслей. И Володя не заметил того, что публика стала другой. Пожалуй, новые лица ему нравились даже больше, так как они походили на него.

«Как все гармонично в этом мире. Как все ценят и понимают мою гениальность. Немного больше славы и денег и все будет совсем хорошо...» – думал он.

Осенние последние дни... Дверь, открытая зиме и новым, белым от снега, дням. Что-то всегда ощущалось в этих строгих белых днях, наполненных холодом и скованностью чувств. Володя не любил их и никогда не скучал по ним. Они любили его.

Природа открывалась Володе, и небо накрывало его красотой звезд. Но Володя входил в эту зиму совсем другим.

И зимние дни, не узнав его, метелью пели у окон маленького мальчика, который смотрел, огромными от восхищения глазами, на эту красоту и пытался выразить ее словами первого в его жизни стихотворения.

Слава

Больше всего я люблю разговаривать с людьми, когда они начинают рассказывать о своих животных, живущих у них в доме. Нет, я не иронизирую, представляя, как муж говорит о жене – «моя корова» или жена о муже – «этот глупый осел». И все сразу понимают, о ком идет речь. Я этого не люблю. А вот когда говорят о кошках, собаках и даже хомячках, живущих, как полноправные члены семьи во многих домах, это становится интересно. Столько искренности, заботливости и восхищения редко услышишь в рассказах людей о нас же – людях.

Я и сама с восторгом могу описывать своего пса породы пекинес, которого один человек метко назвал «баба-укладчиком», имея в виду его способность, обращать на себя внимание проходящей мимо женщины. Ведь каждая женщина начинает улыбаться пекинесу и говорить ему что-то восхищенно ласковое.

Какое-то время я удивлялась этой реакции. Но, приехав из поездки, когда я не видела собаку долгое время, я встретила на улице мужчину, гулявшего с пекинесом. И результат воздействия милой мордашки пекинеса, его смешной, немного суетливой походки,

огромных удивленных глаз, был таким же. Я почти остановила свой шаг и, с восторгом уставясь на него, произнесла мысленно про себя: «Какая прелесть, эта собачонка!» Мужчина с невозмутимым видом, привыкший, видимо, к вниманию, которое оказывают его питомцу, прошептал дальше.

Я знаю, что моего пекинеса всегда пожалеют, когда он, быстро перебирая своими маленькими лапками, высунув ярко-красный язычок, бежит за мной на поводке.

«Он очень устал. Вы, уж, помедленней идите, – советуют мне всегда. – Он у вас, наверное, уже старенький».

И неведомо им, что мой пекинес старенький с рождения. Он всегда бежит, похрипывая и вздыхая, из-за короткой мордочки – порода у него такая. Но я уже перестала пытаться объяснить, что он – мужчина в расцвете сил, судя по его собачьему возрасту. Я просто замедляю немного шаг и потом снова набираю темп, когда прохожу мимо.

Ночью пекинес любит спать, привалившись к двери, на спине, и храпя во весь свой «пекинеский» голос. Наверное, сначала соседи думали, что это храпит какой-то домашний алкаш, не сумевший добраться до постели. Иногда, правда, сквозь сон, пекинес начинает громко лаять, охраняя, подпертую им, дверь. Но спустя несколько секунд, он замолкает,

и тогда снова на всю квартиру раздается его мощный богатырский храп.

А еще мой пекинес любит славу. И речь сейчас именно об этом. Я была удивлена, когда осознала его желание постоянно вызывать восхищение у окружающих его людей. Он, по-моему, понимает, что он вызывает сильные эмоции у прохожих и наслаждается этим всюю.

Когда у него была проблема с ногой, и он прихрамывал вследствие этого, то вызывал столько сочувствия, что после выздоровления ему его стало явно не хватать. Врач давно сказал, что он совершенно здоров, но пекинес иногда начинал идти так же, как во времена его больной лапы. Особенно он любил это делать, проходя мимо стайки сердобольных старушек.

Пекинес начинал хромать, волочить лапу, а потом почти ползти перед старушками. После этого он просто ложился невдалеке них и слушал их восклицания, как актер на сцене слушает овации зала после удачного выступления.

Но стоило сказать ему строго, что, к сожалению, на сегодня концерт закончен, и чтобы он прекратил вымогательство славы и шел нормально, то пекинес сразу начинал бежать хорошо. И казалось, что вовсе не он несколько минут назад устроил яркое выступление одного актера.

Наверное, если бы мой пекинес смог описать историю своей жизни, как собака из истории Саши Черного, то он начал бы так: «А вот помню я хорошие времена большой славы и огромного успеха... Это было, как раз в то время, когда я случайно поранил ногу...»

Две короткие истории

(В Петербурге в июне время белых ночей - в течение которых естественное освещение остаётся очень высоким, и почти вся ночь состоит лишь из сумерек)

В городе жизнь продолжается и белой ночью в июне и более темной – в сентябре. В июне ходят небольшие группы молодняка, громко обсуждающие свои проблемы. Выходят на прогулку с собаками мужчины и женщины. Гуляют, обнимающиеся влюбленные пары, редко встречаются старики, но часто оптимистичные подвыпившие компании. И они могут гулять и петь всю ночь – так как тепло и светло. Ночь-то белая...

Просто две короткие истории об «оптимистичных» в июне и в сентябре.

Была обычная белая июньская ночь. Но уже не совсем ночь, а почти утро. Ночь уже простилась со всеми и почти передала бразды правления легкому утру. Поэтому на улице уже никого не было, за исключением трех сильно подвыпивших мужчин, которые только что вышли из парадного.

Они всё же, видимо, решили уехать домой, после хорошо проведенного времени в гостях. Их машина стояла прямо посередине дороги, где они ее оставили много часов назад. Никто, из изредка проезжающих мимо машин, не зацепил ее. Все вежливо объезжали ее вокруг – по газону.

Машину не украли за долгую ночь. То есть всё было удачно, и казалось, что никаких трудностей впереди не предвидится. Но, так как время, как я уже сказала, было проведено с пользой, вина было много, и мужчины это на себе уже ощутили. Поэтому они и попытались залезть на первые сиденья машины втроем. Видимо, они не обсудили предварительно того, кто и где будет сидеть в машине.

Сначала, как положено, в машину садились двое. Но третий товарищ упорно и настойчиво лез для того, чтобы сесть рядом с ними. Из-за этого один из двух залезших первыми, под давлением упрямого друга, грузно выпадал с другой стороны машины. И двое, как это и положено в машине, оказывались сидящими на первых сиденьях.

Выпавший, удивленный, но не сломленный духом товарищ, с усилием поднимался и начинал проталкивать себя на уже занятое водительское место. И тогда, уже с другой стороны машины, вываливался их друг. Хотя он считал себя уже готовым к поездке домой.

Потом этот процесс повторялся вновь, с той только разницей, что выпадал только что залезший обратно. При этом не было ни крика, ни ссор, ни даже разговора между друзьями. Все происходило спокойно, молча и сосредоточено. Было такое впечатление, что они просто не могут сообразить, почему же их все же что-то выталкивает из машины. Ведь они уже сидели на месте и готовы были ехать.

После нескольких неудачных попыток сесть впереди втроем, один из мужчин вдруг решил открыть заднюю дверь. И так все благополучно разместились.

Наверное, они даже могли бы еще кого-нибудь подвезти по пути, если бы тот точно знал, что залезать нужно только на задние сиденья. И не создавал бы им новых сложных проблем с посадкой.

После удачного завершения размещения в автомобиле, они медленно, размеренно заехали на бордюр, проехали некоторое время по газону и также медленно съехали обратно на дорогу. Наверное, им в этой белой ночи померещился какой-то крутой вираж,

который они успешно преодолели.

Все происходило, как в черно-белом замедленном фильме, демонстрирующим нас сквозь серое освещение наступающего утра.

После успешного заезда и съезда с газона, машина также зигзагами медленно поехала по широкой дороге домой. Дорога была пустой, и уходящая белая ночь подарила им достаточно света, вместо обычной зимней темноты, чтобы они смогли благополучно добраться до места назначения.

Около дома, в котором они жили, друзья, также, не произнося ни слова, уважительно и доброжелательно пожали друг другу руки и устало разошлись по своим квартирам.

Еще одна история с «пьяной машиной» уже другой компании друзей случилась в более темную сентябрьскую ночь.

И произошла она в ночном парке, куда они заехали по ошибке, свернув с обычной дороги. Как приятель рассказывал, они заехали туда, уже плохо соображая, что это парк Петербурга. Они также плохо понимали, как такое большое количество человек поместилось в маленьком «Запорожце», которым он управлял. А их точно было больше четырех.

И они это точно помнили при выходе из кафе, где отмечали день рождения одного из товарищей.

Видимо, мужчин в машине было по несколько человек на одном сиденье (в отличие от неудачной попытки это сделать в предыдущей истории). Или же просто кто-то лежал под ногами у тех, кому повезло сесть на сиденья. Но никому это не мешало и совершенно не раздражало.

Рулили они отчаянно, чтобы побыстрее добраться домой. Была уже глубокая ночь. Им казалось, что они едут по какой-то длинной дороге в темном лесу. Они были искренне возмущены тем, что не было видно никакой разметки дороги или хотя бы дорожных знаков, и дружно, с удовольствием ругали гаишников. Единственное, что радовало друзей, это то, что и знаков ограничения скорости тоже не попадалось на пути. Посоветовавшись на ходу, они решили, что доедут до ближайшей деревни и спросят у местных жителей, где же все-таки их машина находится. А для того, чтобы совсем не сбиться с дороги, было решено ориентироваться по каким-то белым столбикам-пятнам, постоянно мелькавшим за окнами машины. Несмотря на свое мудрое решение, спасшее им жизнь, они все же наехали на что-то, судя по внезапному удару о бампер. После удара ошарашенные друзья проехали еще немного.

Заметив, что столбики внезапно закончились, и за окном уже не мелькают странные белые пятна, они резко затормозили. Машина остановилась.

Когда мужчины, наконец-то, все вышли из машины, то с удивлением обнаружили, что машина (которая до этого больше напоминала банку набитую кильками, чем обычную машину) почти висает над большим каналом воды.

И если бы машина не была вовремя остановлена, то ночная холодная глубокая ванна была бы обеспечена всем. То, что они приняли за столбики или белые пятна (здесь у них согласия не было, и они называли их по-разному) они нашли позже. Столбиками оказались белые большие урны, стоящие рядом со скамейками в парке. Скамейки закончились, урны, соответственно, тоже, и друзья остались живы.

Потом мой приятель, по его словам, несколько дней отсиживался дома и внимательно смотрел все криминальные новости по всем телевизионным каналам. Он боялся, что машина все же кого-то зацепила в парке, и его могут разыскивать.

Но его никто не разыскивал, парк ночью был пуст. Несколькими днями позже он нашел, немного пострадавшую, несчастную скамейку.

Сосед же его по коммунальной квартире, снабжавший скрывававшегося подпольщика продуктами все это время, потребовал свою законную бутылку водки за честный труд.

Кстати, больше всех повезло имениннику.

Потому что именно его друзья все же забыли в кафе. Проснувшись, он обнаружил, что он еще кафе, а его друзья куда-то ушли.

Поэтому он единственный (на автопилоте) спокойно добрался домой. Утром, бодрый и уверенный, он успокаивал жен своих друзей, которые звонили ему беспрерывно.

